

Марина
СЕРОВА

**Экзамен
на выживание**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Экзамен на выживание

«Научная книга»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Экзамен на выживание / М. С. Серова — «Научная книга»,
2020 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

ISBN 978-5-04-115882-8

У частного детектива Татьяны Ивановой новое дело: ей нужно найти пропавшую школьницу, отличницу Олю Золотову, по просьбе ее матери. Хорошая девушка, отдававшая учебе все время и силы, бесследно исчезла. Полиция бессильна, никто ничего не знает, но детектив Иванова всегда находит то, что ищет: зацепки, идеи и чертей в тихом омуте...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-115882-8

© Серова М. С., 2020
© Научная книга, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Марина Серова

Экзамен на выживание

Пролог

Звонка, оповещающего об окончании очередного урока, она ждала подобно тому, как приговоренный к смерти ожидает времени своей казни. Наручные часы показывали, что до перемены осталось каких-то полторы минуты. Последний урок – все радуются в предвкушении завершения очередного трудового дня в школе. А для нее этот самый последний урок подобен медленной пытке, избежать которой нет никакой возможности...

Все происходит как во сне – трель звонка, хлопанье закрываемых учебников, громкие переговоры одноклассников и одноклассниц. Она медленно закрывает книгу, кладет в рюкзак толстую общую тетрадку и дневник. Сегодня у нее две пятерки по истории, одна за контрольную работу, а другая за устный ответ. Да, скоро ей с лихвой достанется за отличные отметки, скоро она пожалеет, что в очередной раз «выпендрилась» перед классом...

Впереди нее – две кумушки-подружки, неразлучные Саша и Юля, они взахлеб обсуждают, кто какое платье наденет на выпускной, кто какую прическу себе сделает. Она невольно слушает разговор одноклассниц. Как бы ей хотелось стать похожей на них! Самоуверенные красотки в джинсах-скинни, обтягивающих идеально стройные ноги, в облегающих белых водолазках, с длинными распущенными волосами. Ну и пусть, что учатся на одни тройки, зато у обеих богатенькие родители, которые без проблем устроят своих дочурок в любой вуз. А она – всеобщее посмешище, уродина, одетая в мешковатый светлый свитер и строгие прямые черные штаны, которые хоть немного прикрывают отнюдь не модельные ноги, слишком толстые ляжки и выпирающий живот. И почему природа не наградила ее такой модельной фигурой, как ее сверстниц? Одиннадцатиклассницы, как на подбор, красавицы, словно сошедшие с обложек журналов. Учителя ничего не говорят им по поводу распущенных волос и одежды, далекой от школьной формы, потому что знают – у всех богатые родители со связями. Она одна тут белая ворона, которая хоть и учится на одни пятерки, зато обладает некрасивой внешностью, противными веснушками и жиденькими волосами мышиного цвета, забранными в «крысиный» хвостик. Пусть мама и называет ее «своей красавицей», но она-то прекрасно знает, что никакая она не красавица, а самый настоящий гадкий утенок, из которого вряд ли когда-нибудь получится прекрасный лебедь...

Она бредет по коридору, наполненному школьниками и школьницами самых разных возрастов. Проходит в раздевалку, уже заранее представляя себе, какими насмешками ее будут осыпать другие девушки. Те переодеваются на урок физкультуры – маленькая комнатка наполнена девицами в красивом нижнем белье, без умолку болтающими о диетах перед выпускным и о том, кому и за сколько тысяч долларов родители собираются покупать платье. Мама настаивает, чтобы она тоже шла на выпускной, даже договорилась с сотрудницей по работе, чтобы та дала ей напрокат вечернее платье. По словам матери, это красивое синее платье, и оно достанется ей всего-то за бутылку шампанского и коробку шоколадных конфет! «Ты моя гордость, – говорит мама дочери. – Будешь самой элегантной на выпускном вечере!» Да, маме не понять, что ее нескладная дочурка окажется настоящим уродом среди своих длинноногих одноклассниц в платьях из новомодных бутиков и дизайнерских туфлях. Да кому нужен этот проклятый аттестат с пятерками и медаль? Если ты выглядишь ужасно, никого не волнует, как ты учишься. Тем более что по физкультуре учитель ставит ей отличные оценки лишь из жалости, чтобы не портить аттестат. Зато одноклассники ее зло высмеивают, дразнят «коровой», «мешком с картошкой», «неуклюжей». Почему, почему она должна ходить на эту физкультуру? Чтобы

смотреть, как девчонки, одетые в обтягивающие лосины и маечки на тонких бретельках, сдают нормативы на отлично, тогда как ей от обычной стометровки уже становится плохо? И как же она ненавидит свои спортивные штаны и футболку-балахон, в которых выглядит еще неуклюжее и несуразнее, чем есть на самом деле!

Она отлично помнит, как еще в младших классах никто не хотел брать ее в свою команду на эстафетах или на волейболе; как на гимнастике во второй четверти она не могла взобраться на высокое узкое «бревно», а уж пройти по нему для нее и вовсе было смерти подобно; как под всеобщий гогот и злые насмешки она сдавала нормативы, как одноклассники хором орали обидный, придуманный каким-то злым гением стишок про нее... Она до сих пор его помнила наизусть: «жирная Зуля, рожа словно дуля». Кто-то на очередной издевательский вопрос: «... а у кого рожа как у красотули?» лихо ответил: «...у Золотовой У... о-ЛИ, короче, у Зули...» – сочинил это прозвище, которое она ненавидела всю свою жизнь. Сейчас ее так не дразнят, ведь у нее можно списать контрольную, она не откажет, потому что знает, иначе ей не поздоровится, но обидное прозвище осталось до сих пор. Она никогда не забудет, как в столовой над ней издевались девчонки, когда она ела обычный пирожок или булочку, самый дешевый обед, который могла себе позволить. Как мальчишки отнимали на перемене бутерброд, заботливо приготовленный ее матерью, и топтали его ногами, как выливали ее сок прямо на учебник... И когда же наконец закончится этот ад? Когда она вырвется из этого десятилетнего кошмара, из этой пыточной камеры?..

Глава 1

Я задумчиво бродила по спортивному магазину, пока Ленка в примерочной натягивала на себя очередные спортивные штаны. Подруга мерила уже пятые по счету тренировочные лосины, и постоянно ей что-то не нравилось. То штаны слишком обтягивающие, да и по возрасту ей в таких показываться на люди не солидно, то чересчур короткие, то, наоборот, длинные, то широкие в бедрах... На Ленку, честно говоря, не угодишь, ходить с ней по магазинам – сущее наказание. Обычная покупка кофточка (юбки, джинсов или туфель, смотри по обстоятельствам) затягивалась на долгие часы, после чего по обыкновению мы шли в какое-нибудь кафе, чтобы «праздновать» обновку. В принципе, сейчас я была абсолютно свободна – неделю назад завершила очередное дело, и пока новых клиентов у меня не было. А у Ленки и вовсе сегодня выходной, как-никак воскресенье. Подруга работает учителем французского в школе нашего города, за что с незапамятных времен к ней прилепилось прозвище Ленка-французенка. Несмотря ни на что, свою работу приятельница любит и менять ее не собирается, хотя я, признаюсь, вряд ли выдержала бы целыми днями обучать нерадивых учеников премудростям французской грамматики да проверять тетрадки. Но каждому свое, что тут говорить. Зато моя профессия меня полностью устраивает, частному детективу в наши дни скучать не приходится. Да и привыкла я к такому образу жизни, без заказов мне скучно и как-то тоскливо. Потому и убиваю время самыми разными способами, про себя надеюсь, что в один прекрасный момент мой мобильник оживет: к частному детективу Татьяне Ивановой, то есть ко мне, обратится некто с невероятной запутанной историей.

Но никто, за исключением Ленки, в последнее время мне не звонил, а вот подруга с воодушевлением объявила, что намерена заняться йогой. «Знаешь, при сидячей работе йога – самое то! – заявила мне приятельница. – Я давно хотела, но все возможности не было. А тут лето на дворе, скоро и у меня каникулы, да и фигуру давно хочу в порядок привести! Давай со мной, а? Говорят, занятия ведет опытный мастер, он даже в Индии обучался!»

На это предложение я ответила отказом – на свою фигуру не жалуясь, да и работу мою назвать сидячей сложно. Но Ленка не отставала и все же уговорила меня хотя бы помочь ей выбрать спортивные штаны для занятий. Она хотела себе нечто вроде свободных индийских шаровар с этническими узорами, в которых ходят «продвинутые» йоги, но в спортивном магазине таковых не оказалось. Зато обтягивающие лосины и легинсы привели Ленку в полнейший восторг, и она думать забыла о своих шароварах. Сразу набрала несколько понравившихся моделей и постоянно звала меня в примерочную, чтобы я оценила, как на ней сидят очередные штаны.

– Может, вот эти возьмешь? – в очередной раз я рассматривала подругу в спортивном облачении. – Смотри, они неплохо на тебе смотрятся, да и размер что надо.

– Но они черные! – скривилась подружка. – Для йоги нужно что-то... э, более оптимистичное.

– Так розовые возьми, – пожала я плечами. – По-моему, розовый цвет – это оптимистичнее некуда.

– Ты издеваешься, что ли? – обиделась Ленка. – И на кого я буду похожа? На поросенка-переростка?

– Для поросенка тебе еще расти и расти, – хмыкнула я. – Ну а что ты тогда хочешь?

Ленка придирчиво осмотрела огромную кучу штанов, которые уже перемерила. А потом заявила:

– Здесь ничего подходящего для меня нет. Слушай, а давай пойдем в другой магазин? Здесь рядом, правда, он не спортивный, зато шмоток навалом. Может, и ты себе что-нибудь подыщешь!

– Я на йогу идти не собираюсь, – покачала я головой, про себя раздумывая, как бы мне повежливее смотаться от приятельницы.

В мои планы не входило шатание по магазинам одежды до вечера. Мы и так около двух часов торчим в спорттоварах, но Ленку охватил азарт, и так просто сдаваться подруга не собиралась. Я поняла, что она не успокоится до тех пор, пока не купит себе эти треклятые треники, а мне, естественно, придется повсюду составлять ей компанию. Эх, ну зачем я согласилась на это мероприятие? Знала же Ленку и ее любовь к шмоткам, надо было сказать ей, что у меня работа, я не могу ни на что отвлекаться, пока не поймаю преступника...

– Пойдем, у тебя ж сегодня выходной! – точно прочла мои мысли приятельница. – А то одна я точно ничего не выберу!

– Да ты и со мной пока себе штаны не подобрала, – пожалала я плечами. – Хотя зря, тебе эти черные очень даже подходят.

– Ну Танюш, пожалуйста! – взмолилась Ленка. – Ты вон как здорово в моде разбираешься, и мне нужно, чтобы кто-то посмотрел со стороны. Давай еще в один магазин – и все! Он большой, там я точно найду себе подходящие штаны!

Про моду Ленка, конечно, преувеличила. Конечно, чувство стиля у меня есть, но я отнюдь не модельер и не консультант, подружке просто нужна компания. Пришлось вешать неподходящие штаны куда положено и отправляться в новый универмаг.

Погода на улице стояла чудесная – тепло, ни ветерка, ни намек на дождь, ливший вчера с утра до вечера. Что скажешь – середина мая, в Тарасов наконец-то пришла настоящая весна, обещающая жаркое лето. По дороге Ленка без умолку трещала о своих грандиозных планах: она станет заниматься три раза в неделю йогой, перейдет на вегетарианскую диету, со временем, быть может, даже займется пробежками и непременно будет находить время на посещение СПА-салонов и массажа.

– А то с этой работой времени ни на что не хватает! – сокрушалась подруга. – Но начинать никогда не поздно, правда? И кстати, Танюш, зря ты так плохо относишься к йоге. Вот у меня сотрудница тоже ходит на занятия и говорит, что уже замечает в себе положительные перемены! Она даже собирается начать рисовать, представляешь? Может, ты все-таки сходишь со мной хотя бы на одно занятие?

– Лен, штаны я выбрать тебе помогу, но на йогу точно не пойду, – категорично заявила я. – Сама знаешь, работа у меня непредсказуемая, поэтому записываться ни в какие секции я не могу.

– Ага, а когда ты завершаешь свое новое дело, то неделями шатаешься без работы! – заметила Ленка. – Вот лучше бы чем полезным занялась, а не...

Неожиданно ее прервал звонок – и, к моей великой радости, мобильный звонил у меня, а не у подруги. Я с торжествующим видом вытащила телефон из сумки, посмотрела на экран. Номер неизвестен, что не могло не вселять надежду. Я поднесла трубку к уху и проговорила:

– Слушаю.

– Мне нужно поговорить с Татьяной Александровной Ивановой, – тихо проговорил на том конце линии усталый, можно сказать, замученный женский голос. – Мне дали этот номер, я правильно позвонила?

– Да, все верно, – подтвердила я. – А вы по какому вопросу и как к вам обращаться?

– Меня зовут Мария Васильевна Золотова, – женщина говорила так же тихо, но мне показалось, что в ее голосе прозвучало нечто похожее на надежду. – У меня очень трудная ситуация, и мне просто необходима ваша помощь... Моя знакомая Арина Словакина порекомендовала вас, она говорила, что вы лучший частный детектив Тарасова. Вы, наверное, помните ее?

– Сложно сказать, – проговорила я. – У меня было много клиентов, но за хвалебные отзывы весьма благодарна.

– Полиции я не верю, – продолжала моя собеседница. – Я обратилась к ним, но толку никакого, и мне кажется, они только время тянут. Ждут, пока... пока мою дочь убьют.

Я услышала сдавленные рыдания.

– Где и когда вам удобно встретиться? – сразу перешла я к делу.

Мария Васильевна шмыгнула носом и виновато пробормотала:

– Простите, я очень переживаю за дочку... Если вы не очень заняты, скажите, когда сможете приехать... Не знаю, где встречаются с частными детективами, я впервые в такой ситуации...

– Где хотите, там и встретимся, – быстро произнесла я. Краем глаза увидела, как Ленка разочарованно смотрит на меня, подруга поняла, что сегодняшняя поход по магазинам со мной отменяется. Я же была этому только рада.

– Если вам удобно, могу приехать к вам домой, – заметила я.

– Да, это было бы замечательно... – пробормотала женщина. – Приезжайте поскорее, как только сможете... Я на работе отгул взяла за свой счет, я весь день дома буду, потому что не знаю, что мне делать и как быть...

– Говорите адрес, – я на ходу вытащила блокнот и ручку. – Где вы живете?

– Улица Коломенская, дом тридцать шесть, квартира восемьдесят девять... – продиктовала Мария Васильевна. – Это Ферзенский район города...

Я прикинула в уме, сколько времени займет дорога, потом сказала:

– Хорошо, через полчаса я буду у вас.

Ленка смотрела на меня с видом ребенка, которому на Новый год пообещали дорогую игрушку, а потом подарили дешевую шоколадку. Я скорчила расстроенную мину и виновато развела руками.

– Прости, подруга, придется тебе одной покупать штаны. Что поделаешь – работа...

Ферзенский район города находился где-то на окраине Тарасова, но ехала я быстро, да и пробок в это время дня не было. Мария Васильевна жила в доме на тихой улочке, поблизости от которой находились пара сетевых продуктовых магазинов да маленький детский садик. Скорее всего, моя новая клиентка – женщина небогатая, состоятельные люди предпочитают селиться в более презентабельных районах города. И все-таки она собралась нанять частного детектива, который берет за свою работу немало. Следовательно, у нее действительно непростая жизненная ситуация, и мне уже не терпелось услышать от нее рассказ о своей беде.

Я быстро отыскала нужный мне дом – обычная девятиэтажка, дверь с домофоном, но подъезд не слишком чистый, а лифт старенький, маленький, удивительно, что он еще работает. Я порадовалась, что он не застрял где-нибудь на середине пути, иначе я попала бы в крайне неловкую ситуацию. Жила Золотова на восьмом этаже, когда двери лифта неспешно раскрылись, я сразу ее увидела. Усталая женщина лет сорока пяти – пятидесяти, явно никогда не бывавшая ни в салонах красоты, ни в дорогих бутиках. Думаю, посещение обычной парикмахерской для нее было едва ли не праздником, а вещи она покупала себе на рынке. От женщины пахло какими-то резкими духами, явно купленными на распродаже. Одета она была в светло-синюю рубашку и темную юбку, что делало ее похожей на учительницу в школе. Поблекшие волосы мышиного цвета, в которых виднелись седые пряди, забраны в строгий пучок, который совершенно не шел к ее лицу, прическа делала мою клиентку еще старше, чем она есть на самом деле. И только глаза казались красивыми – в них были бездонная глубина и нескончаемая грусть.

– Здравствуйте, вы Татьяна Александровна? – прошелестела женщина. Я кивнула и ответила приветствием.

– Проходите... – пригласила Золотова как-то нерешительно, сама прошла в коридор своей квартиры. Ходила она неуверенно, сгорбившись, чем еще больше напоминала старушку.

– Извините за беспорядок в доме... – неуверенно, извиняющимся тоном проговорила она. – Я... у меня даже сил убраться не было с тех пор, как Оленька моя пропала...

– Оля – это ваша дочь? – догадалась я. Мария Васильевна кивнула и всхлипнула как-то по-детски, от чего мне вдруг стало дико жалко эту несчастную женщину.

– Успокойтесь, – проговорила я. – Сейчас вы мне все расскажете. Где вам удобнее разговаривать?

– Пойдемте на кухню...

Я сняла обувь и аккуратно поставила свои ботинки в крошечной прихожей. Беспорядка в квартире я не заметила, однако обстановка дома буквально кричала о бедности его хозяев. Мебель – старая, обои светло-бежевые в ромбик, какие были еще в домах прошлого века, полы хоть и чистые, но покрыты самым дешевым линолеумом... На кухне обстановка тоже была предельно простой и незатейливой, самой дорогой вещью здесь, наверно, был большой холодильник. Думаю, на него Мария Васильевна копила долго, но вещь в быту необходимая, а другой техники на кухне не имелось. Я не увидела ни мультиварки, ни микроволновки, ни даже электрического чайника. Обычная газовая плита, шкаф с посудой, раковина, цветы на подоконнике – вот все составляющие нехитрой кухонной обстановки. Женщина выдвинула табурет и предложила мне сесть, сама поставила на газовую горелку чайник.

– Будете чай? – предложила она. – Или кофе? Извините, у меня к чаю только конфеты и печенье, угощайтесь...

Я поблагодарила Золотову за заботу, потом проговорила:

– Мария Васильевна, расскажите мне, что за история с вами приключилась. Как я поняла, дело касается вашей дочери?

– Да, все верно... – грустно кивнула женщина. – Я очень прошу вас, помогите найти мою Оленьку... Если с ней что-то случится, я никогда себе этого не прощу!

– Я постараюсь вам помочь, – сказала я. – Но для этого мне необходимо знать все подробности происшествия. Расскажите про вашу дочь, как и когда она пропала, кого вы подозреваете. Сколько вашей дочери лет?

– Весной Оле семнадцать исполнилось, – вздохнула женщина. – Она учится в одиннадцатом классе. Отличница, умница, собирается в университет наш Тарасовский поступать, школу с медалью окончит...

Я внимательно посмотрела на Марию Васильевну. Если ее дочери семнадцать, то во сколько же лет женщина родила Олю? Если я была права и Марии Васильевне около пятидесяти, выходит, Оля поздний ребенок. Ладно, такое тоже бывает...

Вслух я спросила другое.

– А где отец Оли? Вы разведены?

– К сожалению, Семен бросил меня, когда я забеременела, – грустно пояснила моя собеседница. – Такое сплошь и рядом, как говорят – поматросил и бросил. А я дурочка была, в любовь верила. В двадцать пять лет с Семеном познакомилась, он мне голову вскружил. Есенина с Блоком цитировал, на гитаре играл, обещал, что женится на мне... Вот я и поверила. А когда узнала, что беременна, на радостях Семену сообщила. Ну и что вы думаете? Так он и сказал: мне ребенок не нужен, делай аборт. И вообще, я для него была развлечением, позже узнала, что у Семена еще несколько девушек было. Он же красивый был, девчонкам нравился. А я-то все думала, что он меня любит...

– Простите за бестактный вопрос, получается, вам сейчас сорок два года? – Я быстро произвела мысленные расчеты.

– Сорок три, – поправила Мария Васильевна. – Знаю, что плохо выгляжу. Понимаете, чтобы Оленьку содержать, мне пришлось на две работы устроиться. Так вот и живем – я постоянно работаю, Оля в школе учится... Зарплата у меня невысокая, я в музыкальной школе преподаю, а по вечерам еще уборщицей подрабатываю. Приходится из одного конца города в дру-

гой мотаться, чтобы никто не узнал, а то представляете, позор какой будет! Преподаватель в музыкальной школе учит детей и взрослых на фортепиано играть, а по вечерам полы моет в магазине...

– Да уж, вам не позавидуешь, – покачала я головой. Золотова продолжала:

– Как ни странно, Оля музыкой не заинтересовалась, хотя у нас пианино в комнате стоит, если хотите, я вам покажу. Мы его давно еще купили, мама моя жива была, царствие ей небесное... А вот Оля никогда играть не хотела, хотя я, когда дочка маленькая была, ей «Лунную сонату» Бетховена играла, Вивальди, Моцарта. Хотела, чтобы ребенок с детства к классике приучался. Зато Оленька очень хорошо рисует, правильно говорят – одним одно, другим другое. Я ее, несмотря на материальные трудности, в двенадцать лет в художественную школу отдала, она ее на отлично закончила. Жаль только, что сейчас Оля ничего не рисует... Хотите, покажу ее картины? В кухне ничего нет, я их в комнатах развесила, пойдемте!

Внезапно женщина оживилась, в глазах ее появились огоньки, и сама она как-то сразу выпрямилась, точно гордость за дочь заставила ее распрямить плечи. Я встала и пошла за Марией Васильевной в комнату – такую же маленькую, как кухня, вся обстановка там состояла из кровати, письменного стола с компьютером (не последней марки, явно недорогим), книжного и платяного шкафов. Я поняла, что это комната Оли, семнадцатилетней дочери хозяйки квартиры. Все стены были увешаны рисунками, в основном пейзажами какой-то сельской местности. Не скажу, что я хорошо разбираюсь в живописи, но, на мой взгляд, некоторые работы Оли были очень даже неплохими, судя по всему, эти картины она рисовала лет в пятнадцать. Были и совсем детские рисунки, но все работы Оли были яркими, сочными и жизнерадостными.

– Вот Оля рисовала в семь лет, – Мария Васильевна показала на маленькую картинку, на которой была изображена речка с островом, поросшим зеленью. – Это мы на дачу ездили, еще когда мама моя жива была. Сейчас, увы, уже не получается туда выбираться – у меня работа, а Оля даже в каникулы дома сидит, книжки читает да иностранный язык учит. Она хочет на переводчика учиться, мечта у нее такая... В одиннадцатом классе у нее нагрузка тяжелая, Оленька четыре раза в неделю к репетиторам ходит заниматься. По иностранному языку два раза в неделю, еще по математике и физике. Оля ведь у меня гуманитарий, а чтобы ей медаль получить, надо ведь по всем предметам отличницей быть! Вот времени у девочки моей совсем нет...

– Да, у вас талантливая дочь, – кивнула я, разглядывая картины. – И вы говорите, что Оля пропала? Когда это случилось?

– Понимаете, как бы так сказать... – Мария Васильевна замешкалась. – В последнее время с Олей что-то странное творится. Она совсем не такая стала, как раньше. Знаете, Оля ведь всегда росла тихой, скромной девочкой, подруг у нее не было, она только училась и домашние задания делала. В художественную школу ходила, в девятом классе ее окончила. Когда Оля маленькая была, я ее на танцы пыталась отдать, но пришлось секцию бросить – там ведь все дети вертлявые, раскованные, подвижные, а Оля комплексовала очень. Она стеснялась, и я решила, раз ребенку не нравится, то ладно. В бассейн тоже ее отдавала, но дочка заболела и бросила. А вот в художественную школу ходила с удовольствием. Сначала мама моя ее водила, но когда Оле было тринадцать лет, бабушка ее умерла от инфаркта. А меня постоянно дома не было, иногда без выходных приходилось работать, за что я себя сейчас ругаю. Внимания девочке не уделяла, и Оля росла без меня, если можно так выразиться. После смерти бабушки дочка в себе замкнулась и еще старательнее стала учиться, чтобы меня не расстраивать. Готовить сама начала, чтобы я на это время не тратила. Ну и уроков им очень много задают, на всякие глупости у Олечки времени не было. Я нарадоваться на дочку не могла – другие девчонки в ее возрасте о мальчишках да о шмотках думают, по дискотекам бегают, а Оля не такая. Она никогда у меня денег не просила, чтобы по магазинам прошвырнуться, да и

не любит Оля наряжаться. Она очень умная, и кризиса подросткового возраста у нее не было. А вот в последние месяцы все как-то изменилось. Оля стала нервная, раздражительная, плакала часто. Я спрашивала почему, может, в школе что-то не получается, но нет – в дневнике одни пятерки, задания все выполнены. А Оля постоянно твердила, что не хочет в школу ходить, даже пыталась врать мне, что у нее температура. Я было подумала, может, в семнадцать лет у Оли этот самый переходный возраст начался? Может, влюбилась она в кого? Спрашивала, но дочка ничего мне не отвечала, только еще неразговорчивее становилась. Бывало, слова из нее не вытянешь, на мои вопросы не реагирует, а в глазах слезы. Я решила, что Оля по бабушке так переживает, скучает. Все-таки, кроме меня и бабушки, у нее родных никаких нет, вот, может, в этом вся причина? А неделю назад и вовсе кошмар случился. Я пришла домой с работы поздно вечером, а Оли дома нет. Это очень странно – дочка после школы всегда домой приходит, она мне по телефону мобильному звонит, сообщает, где она. Я давно ей сотовый подарила, самый простой, конечно. Но сейчас без мобильных никуда, стационарных телефонов давно нет. Конечно, телефон у дочки простой, без интернета, но звонить и писать смс-сообщения можно, а что еще от мобильного требуется? Так у Оли и компьютер есть, им по учебе он необходим. В конце концов, не в каменном веке ведь мы живем! Так вот, я по мобильному Оле позвонила, но номер был недоступен. Хотя в тот день репетиторов у дочери не было, и она мне смс прислала, что дома находится. Я забила тревогу – может, случилось что? Обзвонила все морги, все больницы, но нигде Оли, к счастью, не было. Всю ночь не спала, на работах отгул взяла, думала с утра в полицию идти. И тут Оля возвращается, как ни в чем не бывало! Я ее спрашиваю, ты где всю ночь была? Но дочка нулем на меня, собрала сумку и ушла на занятия!

– Раньше Оля никогда не уходила ночевать к знакомым? К подружкам? – уточнила я.

– Да не было у нее никаких подружек! – воскликнула Мария Васильевна. – Если бы она с кем-то дружила, то обязательно бы познакомила меня со своими друзьями! А так – нет, да и времени у нее не было...

– Это очень странно, – заметила я. – Что, вообще у вашей дочери не было хотя бы знакомых?

– Нет, ну знакомые, конечно, были, – пожалала плечами женщина. – Одноклассники и одноклассницы, с ними Оля в школе общается. Но не дружит ни с кем. Она мне рассказывала, что в школе у них никто особо не старается, не учится. Кому-то по благу пятерки и четверки ставят, кто-то списывает... Школа-то у нас самая обычная, та, что поближе к дому. В классе, где учится Оля, девочки только о всякой ерунде думают, не то что моя дочь. Да сейчас вся молодежь такая, это мне с дочкой повезло несказанно. Как с первого класса она стала на отлично учиться, так и до одиннадцатого старается. Потому что знает – с деньгами у нас туго, оплатить учебу в университете я при всем желании не смогу, надеяться Оле приходится только на свои знания. Дочка все это прекрасно понимает и потому пытается меня не расстраивать. Она же видит, с каким трудом мне деньги достаются!

– Но у вас есть предположения, куда могла уйти ваша дочка? – продолжала расспрашивать я. Мария Васильевна пожалала плечами.

– Ума не приложу! – воскликнула она. – Когда мама моя жива была, она дружила со своей одноклассницей, Лорской Анной Степановной. У Анны Степановны есть внучка Лена, ей столько же лет, сколько и Оле. В детстве девочки дружили, хотя и виделись редко, только когда мы их в гости звали или Анна Степановна – нас. Я редко с ними ходила, так – обычное застолье, не больше. Потом мама умерла, и дружба эта сама собой прекратилась. Вот, наверно, единственная подруга Оли – это Лена, и то в детстве.

– Вы звонили Лорским? Когда Оля пропала? – уточнила я. Мария Васильевна кивнула.

– Да, я позвонила им, еще классной руководительнице Оли... Но у Анны Степановны дочки не было, а классная руководительница сказала, что Оля была, как обычно, в школе, на

всех уроках, к посещаемости дочери у учителей претензий нет. А больше я не знала, кому звонить.

– Так, ладно, – кивнула я головой. – Что же было дальше?

– А дальше я стала подозревать, что дочка, может быть, попала в дурную компанию, – вздохнула Мария Васильевна. – Вечером того дня, когда Оля вернулась домой, я дождалась, когда дочка ляжет спать, и тихо прошла к ней в комнату. Достала ее школьную сумку и решила проверить – вдруг там наркотики? Или алкоголь? Оля никогда не пила спиртного, это точно, но кто знает – мало ли что могло с ребенком случиться! Но ни спиртного, ни сигарет, ни наркотиков я не нашла. Зато нашла записку, написанную от руки. Ужасную записку.

– Она у вас? – поинтересовалась я. Женщина утвердительно кивнула.

– Сейчас, я Оле ее не отдала, хотя утром спросила ее, что это... Дочка мне опять ничего не ответила, только зарыдала и убежала в комнату. Я записку себе оставила – хотела при случае снова дочь спросить, кто написал эту гадость...

Мария Васильевна вышла из комнаты, спустя пару минут вернулась обратно с клочком бумаги в клетку. Она протянула мне листок со словами:

– Вот, полюбуйтесь...

На тетрадном листе были от руки написаны следующие слова: «Уродка, вали из этой школы, заучка дрянная!». Естественно, без подписи. Я повертела записку в руках, потом спросила у матери девушки:

– Вы позволите забрать записку?

– Да, конечно, делайте с ней что хотите! – воскликнула Мария Васильевна и сокрушенно добавила:

– В жизни бы не подумала, что кто-то напишет такое моей доченьке... Может, это не ей предназначалась записка?

– Тогда что она делала в Олиной сумке? – резонно поинтересовалась я. Золотова пожала плечами.

– А вдруг Оля отняла записку, чтобы она не досталась тому, кому была адресована? Это же очень мерзко, получать такое...

– Сомневаюсь, – протянула я. – Вы же говорите, что ваша дочь не ладила с одноклассниками?

– Ну не то что бы не ладила... Просто у нее не было подруг, вот и все. Но это же нормально, откуда у Оли время на друзей? Она же учится на отлично, а представляете, какая это нагрузка? Старшеклассникам так много задают!

– Нет, отсутствие друзей – это ненормально, – возразила я. – Человек – существо социальное, он не может без общения. Если, конечно, не является глухим интровертом, что само по себе считается отклонением от общепринятых норм.

– Но у меня тоже нет подруг! – воскликнула Мария Васильевна. – Я живу для Оли, а Оля – для меня! Это же логично!

Я не стала объяснять женщине неправильность ее позиции – в конце концов, каждый живет так, как считает нужным, и не мне решать, что верно, а что нет. Мое дело – распутывать преступления, но никак не наставлять на путь истинный ошибающихся людей. Я кивнула и спросила:

– Что же произошло дальше? После того, как вы обнаружили в сумке дочери записку?

– Я несколько раз пыталась поговорить с дочерью по душам, – проговорила Мария Васильевна. – Спрашивала, не обижают ли ее в школе, как у нее дела... Но Оля на откровенность не шла – просто говорила мне, что все хорошо, показывала дневник с оценками и шла учить уроки. Или спать, если я поздно возвращалась. Я было решила, что и на самом деле все нормально, записка – глупое недоразумение, а ночевка Оли не пойми где – случайность. Вдруг ее позвали на день рождения, празднование затянулось, и автобусы уже не ходили? Вот Оле и

пришлось остаться ночевать у подружки или одноклассницы, не знаю у кого. Мало ли, в самом деле!

– А вы не думали, что ваша дочь, возможно, встречается с молодым человеком? – предположила я. Мария Васильевна отрицательно покачала головой.

– Ну что вы, Татьяна Александровна! В Олином возрасте о мальчиках думать рано, ей учиться надо, в университет поступать, готовиться! Вот отучится в высшем учебном заведении, на работу устроится – тогда и о замужестве можно думать! А Оле ведь сейчас всего-навсего семнадцать лет!

М-да, Мария Васильевна прочно застряла веке в восемнадцатом, подумала я про себя. И откуда она такая взялась, с замашками «тургеневской барышни» и абсолютным незнанием жизни?! Да в наше время девчонки лет в четырнадцать, а то и раньше, девственности лишаются, в семнадцать некоторые аборт делают или рожают по «случайному залету»... То, что Мария Васильевна – уникум, вымирающий экземпляр, я уже поняла, но является ли таковой Оля? Вполне возможно, что, пока мать вкалывает на двух работах, девчонка спокойно себе крутит романы направо и налево. Ну и учиться не забывает, вдруг она ко всему прочему действительно умна, обладает прекрасной памятью и легко справляется с нагрузкой в школе? Или все-таки Оля – Мария Васильевна номер два, девица, воспитанная на русской классике и абсолютно не знающая суровых реалий этого жестокого мира?..

– Ладно, рассказывайте дальше, – попросила я.

– А дальше произошло ужасное, – вздохнула Мария Васильевна. – Я пришла домой после работы, это было два дня назад. Оли дома не было. Я удивилась – на часах половина десятого, обычно дочка меня дожидается с работы, ужин мне готовит, и только когда я возвращаюсь домой, спать ложится. В тот день занятия у Оли закончились рано, в первом часу дня, и после школы ей никуда не нужно было идти. Четверг, в этот день у нее не было репетиторов. Они у нее по пятницам, понедельникам, средам и воскресеньям. Днем, как обычно, Оля прислала мне эсэмэску, что она дома, и я была спокойна. Однако вечером дочери дома не было, и, как и в предыдущий раз, на звонки она не отвечала. Я очень волновалась, но подумала: а вдруг она снова придет утром, как ни в чем не бывало? Я даже разозлилась на Олю, ну что она вытворяет? Если она ночует у подружки, почему бы так сразу не сказать? Я же не зверь какой-то, не против, если у дочери друзья будут, главное, чтобы они ее дурному не научили! Вот почему бы не предупредить меня – мама, не жди меня вечером, я у подружки заночевала? Я напилась успокоительного, чтобы поспать хоть немного, а утром собиралась с Олей поговорить, когда она вернется. Сказать ей, что так поступать плохо, она же не собирается меня до инфаркта довести! И попросить ее всегда говорить мне правду, какой бы она ни была!

Мария Васильевна снова вздохнула, потом продолжила:

– Но утром Оля не вернулась. Я тогда забила тревогу – снова стала больницы, морги обзванивать, в полицию заявление подала. Они сейчас меня по приемным и кабинетам мурыжить будут, а Оленька наверняка в опасности... Вдруг ее маньяк какой поймал или еще что?! Я вот сидеть сложа руки не намерена! Потому и вас хочу нанять, мне моя дочь дороже жизни! И если с ней что-то случится...

– Мария Васильевна, успокойтесь, – прервала я женщину. – Вы опрашивали одноклассниц и одноклассников Оли?

– Я классному руководителю позвонила, Марине Павловне Курчаковой, – проговорила моя собеседница. – Сказала, что Оля пропала, и она обещала спросить одноклассников дочери... В школе ведь сейчас пропускная система, знаете? Я пришла туда, с учителями поговорила, но никто не знает, где моя дочь может быть... Все учителя очень удивились, но никто мне ничего толком не сказал. Говорили только, что Оля одна задания делает и на уроках отве-

чает, но это и так понятно... Видели бы вы ее одноклассниц! Я разговаривала с двумя девочками, Настей и Катей. Кошмарные девицы, я вам скажу! В школе ведь раньше как было, все в школьной форме ходили, и Оля моя надевает белую кофту и черные брюки, так можно... Юбки она не любит, а вот эти девчонки – в джинсах, да в каких! Представляете, в них трусы видно, это же позор! А у одной так вообще пузо голое и в пупке сережка, куда только их родители смотрят! И накрашены, как будто не в школе учатся, а в борделе работают! Я бы за такое вообще в школу не пускала, это же какое неуважение к учителям! В общем, ужас что творится...

– И что же сказали вам Настя с Катей? – прервала я женщину.

– Да что? Ничего они мне не сказали! Одна из них жвачку все жевала, но от нее сразу чувствовался запах сигарет. Они еще и курят, представляете? Я бы выпорола за такое!

– Совсем ничего не сказали? – снова оборвала я возмущенный монолог Марии Васильевны.

– Говорили, что с Олей не общаются, и все, – пожала плечами та. – И не знают, куда она могла подеваться. А потом они сказали, что опаздывают на урок, и ушли. Конечно, на урок они торопятся... Поди, пока перемена, курят себе или еще что... Если бы я знала, что в школе такой бардак творится, перевела бы Олю в лицей или в гимназию, но я-то думала, что дочка хочет доучиться в этой школе, а перевод – это же столько проблем! И посреди учебного года... Да и смысл переводить ребенка, когда учиться полмесяца каких-то осталось!

– Это верно, – согласилась я с Марией Васильевной. – Переводить в другую школу надо было раньше, хотя я сомневаюсь, что в других школах ситуация обстоит лучше. Сейчас время такое, что сделаешь. Никто в школьной форме не ходит, хотя есть учебные заведения, где с этим все строго.

– Не зря моя Оля идти в школу не хотела! – воскликнула женщина. – Мне бы с такими девицами вместе учиться противно было бы! Не ученицы одиннадцатого класса, а, извиняюсь, проститутки какие-то! И о чем они думают? Как экзамены вступительные сдавать, если в голове – ерунда сплошная, а не учеба! Моя Оля никогда такой бы не стала!

– Мария Васильевна, у вас есть фотография вашей дочери? – поинтересовалась я. Женщина кивнула.

– Конечно, как же без этого! – воскликнула она. – Когда дочка была маленькой, я фотоаппарат купила, тогда пленочные были. У нас и фотоальбомов куча, я очень любила фотографировать... Сейчас я вам покажу!

Я собиралась взять фотографию Оли для своего расследования – мне стоило бы как бумажный, так и цифровой снимок, но я никак не подозревала, что Мария Васильевна пригласит целую кипу фотоальбомов с намерением продемонстрировать мне всю семейную историю. Женщина с воодушевлением открыла первый фотоальбом, с гордостью заявила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.